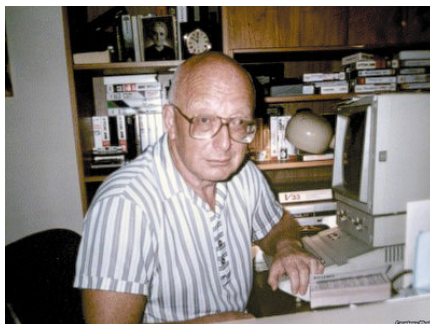

IN MEMORIAM

Б.З. Докторов
СОЦИОЛОГ ВЛАДИМИР ШЛЯПЕНТОХ: ЗДЕСЬ И ЕЩЕ РАЗ ЗДЕСЬ
(19 ОКТЯБРЯ 1926 — 6 ОКТЯБРЯ 2015)

Вторая половина 2015 г. оказалась весьма драматичной для российского социологического сообщества: 2 июля умер Владимир Александрович Ядов, 13 сентября — Самуил Аронович Кугель, 6 октября — Владимир Эммануилович Шляпентох. Каждый из них прожил долгую жизнь, каждый оставил нам работы, высоко оцененные специалистами. И еще одно принципиальное обстоятельство объединяет их: все они из первого послевоенного поколения российских социологов. Их всегда было мало, осталось совсем мало...

Этот текст — мой отклик на смерть Владимира Шляпентоха, но я не строю его в традициях написания некрологов. Мои многолетние и открытые отношения с ним подсказывают мне, что он активно противился бы этому и привел бы массу аргументов, — а полемистом он был первоклассным — почему этого не стоит делать. И, замечу, сослался бы на свой текст памяти российского литературоведа Феликса Раскольниковца, с которым он работал в Мичиганском университете около двух десятилетий [Шляпентох, 2008]. Мне ближе жанр историко-биографического анализа жизни и деятельности социологов, который, с одной стороны, обязывает автора придерживаться определенных канонов, а с другой — предоставляет ему достаточную свободу в определении содержания и стиля повествования.

Вместе с тем мне известны многие подводные камни, осложняющие работу историка-биографа, особенно в том случае, когда рассказывать приходится об ученом, которого многие современные читатели знали лично, видели или по крайней мере работы которого читали. Так получилось, что я начал изучать биографии российских социологов после достаточно продолжительной работы по истории зарождения и развития исследований общественного мнения в США и изучения жизненных траекторий первых американских полстеров. Тогда я писал о людях, после смерти которых прошло несколько десятилетий и которых я никогда не видел, к тому же писал для аудитории, в которой лишь единицы знали отдельных моих

героев. Все начиналось буквально с нуля, иногда даже само имя будущего героя историко-биографического поиска открывалось мне случайно, и биография этого человека рождалась в итоге изучения различных материалов о нем и ознакомления со сделанным им. Написание биографии — это всегда общение со своим героем. Но когда размышляешь о жизни человека, которого не видел, не знал, которому не смотрел в глаза и рукопожатия которого не помнишь, общение с ним сводится к *мысленному диалогу*. Если же героем историко-биографического изучения является человек, которого ты знал долгие годы, с которым обсуждал профессиональные и житейские проблемы, с которым встречался на работе и в его доме, если ты видишь его глаза, слышишь его голос и помнишь тепло его рук, то работа над биографией превращается в сложный, очень интимный *мысленно-чувственный диалог*, в своего рода воспоминание-размышление, в котором доминирует сложившееся годами отношение к этому человеку. Мне приходилось писать о Грушине, Здравомыслове, Кугеле, Ядове при их жизни и после их смерти. И скажу честно: переживаешь абсолютно разные ощущения. В первом случае имеешь дело собственно с биографией, а во втором — с постбиографией, т. е. ты как бы прикасаешься к судьбе человека. Поясню сказанное.

В моих историко-биографических построениях исследование жизни человека протекает в трех зонах. Первая зона — *предбиография*. В этом случае анализ фокусирован на родительской семье человека: ты пытаешься заглянуть в мир, в который он вошел, в котором протекала его первичная социализация, формировалась система его ценностей, понять особенности среды, принципами и нормами которой он осознанно, а часто неосознанно руководствовался в жизни.

Впервые я встретился с настоящей, глубокой предбиографией в 1999—2000 гг. при первичном ознакомлении с биографией Джорджа Гэллапа. В одном из изданий «Who is who» мне попалось упоминание о том, что он относится к десятому (!) поколению американцев и что его первый американский предок (это зафиксировано в хрониках освоения Нового Света) прибыл в Америку в 1630 г. Я обратился в The Gallup Family Association, обществу, координирующему все генеалогические поиски членов огромной глобальной семьи Гэллапов, попросив предоставить информацию об этом клане, и получил в подарок крупноформатную книгу, содержащую вводную информацию обо всех представителях 14 поколений этой семьи. Конечно, это крайне редкий случай в историко-биографических раскопах, относящихся к людям, не принадлежащим к старым дворянским родам. Но постепенное раскручивание предбиографии вывело меня на понятие *биографичности* творчества социолога, т. е. отражения в его деятельности особенностей его биографии. Мне кажется, именно это ощущение связи своей семьи со всей историей своей страны стало одной из важнейших предпосылок обращения Гэллапа к изучению мнений людей. Ведь технология выборочных опросов и общие правила формулирования вопросов интервью были известны и до него.

Вторая зона изучения траектории жизни человека охватывает собственно его *биографию*; это касается того, как складывалась и под воздействием каких обстоятельств протекала его жизнь от рождения до смерти. Все, что происходит позже: дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее, — не в силах изменить траекторию его жизни и окружавшее

его некогда социокультурное пространство. Все это уже произошло, состоялось, завершилось.

Третья зона историко-биографического анализа — исследование и одновременно создание *постбиографии* человека. Начало постбиографии человека — это момент его смерти. Продолжительность постбиографии может быть достаточно короткой, а может быть фактически бесконечной. Постбиография является функцией (продолжением) биографии и комплекса внешних обстоятельств различной природы. Чтобы это понять, достаточно ознакомиться с доперестроечными и современными жизнеописаниями Николая II и первых руководителей советского государства.

Время придает жизни, прожитой человеком, новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна: точнее, судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. А судьба многомернее биографии.

Традиционно ученых, изучающих жизнь и творчество выдающихся личностей, называют биографами, словом, производным от «биография» («жизнеописание»). Но важно указать на существование иной, необычной, хотя и весьма эвристичной, трактовки деятельности по восстановлению образа биографируемых людей. Она принадлежит известному специалисту в области истории науки Б. Г. Кузнецову, автору научных биографий А. Эйнштейна, Г. Галилея, И. Ньютона и других выдающихся ученых и мыслителей. По его мнению, исследователя прошлого науки и творчества ученых более уместно называть биологом, а не биографом [Кузнецов, 1984]. «Графия» указывает на описание жизни, тогда как не используемый в наше время в его исходном смысле линнеевский термин «биолог» соединяет «биос» и «логос» и указывает на постижение, познание жизни в ее единстве с окружающим миром. Именно био-логическая платформа лежит в основании создаваемых мной жизнеописаний российских социологов.

Через несколько дней после смерти Владимира Шляпентоха по «Радио Свобода» прошла передача о нем, в которой участвовали профессор экономики Хейверфорд колледжа в Пенсильвании, давний друг Шляпентоха Владимир Канторович, политолог, профессор университета имени Джорджа Мэйсона в Виргинии Эрик Ширяев, совместно с которым Шляпентох издал несколько книг, был приглашен и я. Это была телефонная конференция. Приведу слова, с которых начал свои воспоминания Эрик Ширяев: «Лет десять назад у меня в квартире в Виргинии раздался звонок, и на другом конце молодой голос сказал: „Здравствуйте, Эрик. Меня зовут Володя Шляпентох. Я хочу с вами поговорить об одной интересной теме“. Для меня это было как звонок суперзвезды. Я помню, как мальчишкой жил в общежитии еще в Ленинграде. У моих родителей была маленькая книжная полочка <...> там стояла книжка Владимира Шляпентоха „Социология для всех“. Я впервые заинтересовался фамилией, необычной для русскоговорящего человека, — Шляпентох, немецкая, может быть... Мне объяснили: скорее всего, это еврейская фамилия. А что такое социология? Я понял тогда, что такое социология. И для меня он остался классиком на всю жизнь».

О книге «Социология для всех» будет сказано ниже, сейчас же я хочу обратить внимание на то, что Шляпентох, представляя себя новому человеку, который был значительно моложе его, назвал себя Володей — так обращались к нему все его друзья. И я буду использовать именно эту форму его имени — в этом нет ничего надуманного или фамильярного.

Я буду использовать разные информационные источники, но основной — это интервью со Шляпентохом по электронной почте, проведенное мной в 2006 г. Оно оказалось весьма объемным — около 3,5 авторских листов; два сокращенных варианта текста были опубликованы в том же году в журналах «Телескоп» (№ 6) и «Социальная реальность» (№ 12), а полный текст был включен в книгу, содержащую важнейшие работы Шляпентоха, изданные в СССР до его эмиграции. Книгу «Проблемы качества социологической информации» [Шляпентох, 2006] собрал, отредактировал и издал Франц Шереги, бывший аспирант Шляпентоха. Публикация этой книги, на мой взгляд, ознаменовала возвращение Шляпентоха в российскую социологию.

Полный текст нашего интервью Володя озаглавил «Социолог: здесь и там», отмечая тем самым, что оно охватывает периоды его жизни в СССР и США [Шляпентох, 2006: 598—658]. Я сразу обратил его внимание на неопределенность слов «здесь» и «там»; все зависит от того, откуда смотреть. Но Володя, парадоксов друг, именно этого и хотел. Название настоящего текста продолжает эту «игру»: «здесь» и «здесь» означает СССР и постсоветская Россия. А одна из целей моего анализа биографии Шляпентоха — показать, что, хотя последние три с половиной десятилетия его жизни прошли в Америке, из отечественной социологии он никуда не уезжал.

Время выявило в моих интервью с социологами старшего возраста одну функцию, о которой я точно не задумывался, когда беседовал с ними. Эти беседы были биографическими, а стали гидами в их постбиографическое существование. Именно эти тексты я использовал, когда после смерти А. Здравомыслова, Т. Заславской, Л. Кесельмана, С. Кугеля, В. Ядова писал о них, опираясь на рассказанное ими о себе. Эти интервью для одних были единственными, а для других — последними и наиболее полными повествованиями о себе.

И здесь у меня есть повод вкратце коснуться многолетней дискуссии о природе биографического интервью, в которой точка зрения о полезности этого метода в историко-социологических исследованиях развивалась петербургским социологом Андреем Алексеевым, профессором социологии из Университета штата Невады в Лас-Вегасе Дмитрием Шалиным и мной, а критический взгляд отстаивал Шляпентох. Многое обсуждалось в электронных посланиях и телефонных беседах и, конечно же, не запротоколировано, но суть позиции Володи отражена в его блоге «Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?» (7 августа 2011 г.) [Шляпентох, 2011]. На мой взгляд, очень шляпентоховское название, взрывное, предполагающее лишь «да» и «нет».

По мнению Шляпентоха, «...поклонники биографического метода абстрагируются от того, что их респонденты переполнены в момент интервью (как, впрочем, и в тот период, о котором они вспоминают) пристрастиями, преданы разным идеологическим догмам, все время обеспокоены своим престижем; тем, как

они выглядят в глазах интервьюера и будущих читателей. Они являются жертвами своего всеильного желания рационализировать свое поведение и свои мысли (эффект *desirable values*). Респонденты во многих случаях не в состоянии выдать правдивую информацию, особенно о своих оценках или мотивах тогда и сейчас».

В полной мере отрицать позицию Шляпентоха бессмысленно — правоту его взглядов доказывают и социально-психологические исследования, и здравый смысл. Но, как говорится, правда — в деталях, другими словами, есть способы минимизировать влияние тех факторов и обстоятельств, на которые указывал Володя, существуют технологии ведения интервью, не разжигающие в респонденте желание многое придумывать. В общих словах все элементарно. Во-первых, исследователь не должен использовать в биографическом интервью вопросы о мотивах тех или иных его поступков (но сам респондент, конечно же, имеет право говорить о них) и стремиться к обсуждению с собеседником фактов, событий в его личной и профессиональной жизни. Это само по себе объективизирует воспоминания человека. Во-вторых, процедура ведения интервью должна быть комфортной для респондента, демонстрировать научную направленность беседы и дружелюбность установок интервьюера. Отмечу еще одно важнейшее обстоятельство: в нашем случае речь идет не вообще о биографическом интервью, но о беседе коллег, зачастую давно знакомых, дружески расположенных друг к другу и, как правило, имеющих общих коллег и знакомых. К тому же респондент знает, что вскоре после завершения интервью текст будет опубликован и выложен в Интернет для ознакомления всего профессионального сообщества.

Естественно, в порядке шутки в ходе наших многолетних обсуждений методологии биографического интервью я спрашивал у Володи, каким его ответам на мои вопросы я не должен доверять. Но поскольку таких заявлений не было, считаю, что наше с ним интервью — это валидная база для биографического анализа.

Однако начну с портретных зарисовок.

Лето конца 1960-х. Математик Елена Петренко решила поступать в аспирантуру не известного ей Института конкретных социологических исследований АН СССР по какой-то туманной науке — социологии. Ее наставник по Институту проблем управления Илья Мучник, который настороженно отнесся к этому ее сообщению, перезвонил ей однажды вечером, попросил завтра в 9 утра быть на работе и сразу позвонить по сообщенному ей телефону. Она так и сделала. Далее цитирую наше интервью с Петренко: «„Леночка?! — услышала я в трубке игривый мужской голос. — Буду через 10 минут...“ Кто будет? С какой стати будет? И зачем будет? Я понятия не имела. Пришел Мучник, а через 10 минут влетел — ворвался — вбежал плотный ярко-рыжий и лысый в то же время мужчина — Владимир Эммануилович Шляпентох, который моментально привлек Илью к обсуждению какой-то статистики, затем темпераментно обрисовал увлекательнейшие перспективы занятия социологией и, особенно, выборкой, несколько раз объявил, что Леночке надо обязательно поехать в Академгородок — подружиться с Таней Заславской, и... внезапно распрощавшись, скрылся за дверь» [Петренко].

Я познакомился со Шляпентохом в самом начале 1970-х, встречался с ним в Москве и в Ленинграде и могу определенно сказать, что портрет Шляпентоха, написанный Петренко, удивительно точен.

А вот еще одна зарисовка, ее автор — педагог, журналист и пианист Азарий Мессерер, подружившийся с Володей во Флориде, где в последние годы Шляпентох проводил значительную часть времени. Именно от Мессерера 5 октября этого года около 7 часов вечера по тихоокеанскому времени (в Москве была ночь с 5 на 6 октября) я получил письмо по электронной почте: «Sad news! Володя умер. Светлая ему память!».

А через несколько дней Мессерер написал заметку о Шляпентохе, назвав ее «Памяти истинного интеллигента». Это рассказ о семинаре, который Володя проводил у себя в доме, о его любви к кино, о посещении с друзьями французского ресторана, где он с удовольствием общался по-французски с хозяйкой. «Впрочем, — пишет Мессерер, — чаще всего мы с Володей толковали о музыке. Он воспитывался в музыкальной семье: мать окончила консерваторию в Киеве и преподавала фортепиано, а дядя был выдающимся пианистом, профессором Киевской консерватории, подготовившим нескольких лауреатов международных конкурсов. Влюбленный в музыку с детства, Владимир старался не пропускать концертов Кливлендского оркестра, сделавшего Майями своим вторым домом, и непременно смотрел прямые трансляции опер из Нью-Йорка. В его кабинете всегда звучала классическая музыка. Он подарил мне множество нот, доставшихся ему от матери, и просил выучить ноктюрн Шопена № 19 ми-минор, который и его мама, и он сам играли в юности».

Так случилось, несмотря на постоянное общение со Шляпентохом, которое началось через несколько дней после моего приезда в США в апреле 1994 г., последний раз мы виделись с ним на рубеже 1980-х и 1990-х на одном из семинаров в Ленинграде. Он тогда лишь начинал осваивать новую советскую реальность. В Америке мы часто, особенно в последние годы, созванивались: обычно в самом начале телефонного разговора, независимо от того, кто звонил, я слышал в трубке музыку и Володины слова: «Подожди, я приглушу музыку». Любовь к классической музыке прошла через всю его жизнь. И символично, что получив от Азария Мессерера сообщение о смерти Володи, на мой вопрос о том, когда это случилось, мгновенно пришел ответ: «Минут 15 назад. Уже несколько дней он ни ел, ни пил и никого не узнавал. Нам звонила Люба, его жена. <...> Уезжая, он оставил мне ноты, принадлежавшие его маме, пианистке. Я сейчас сыграю грустный этюд Шопена, который он любил, по его нотам».

Траекторию жизни Шляпентоха можно задать следующими опорными точками. Он родился в Киеве в 1926 г. в интеллигентной еврейской семье. Его дед по материнской линии до революции владел несколькими аптеками, а родители отца были домовладельцами. Революция, отмечал Володя, стала для них катастрофой. При этом две его тети в 1920-е гг. были яростными большевичками, покинувшими отчий буржуазный дом в 1930-е гг., и тема репрессий явно присутствовала во внутреннем семейном общении.

Мать получила консерваторское образование и стала преподавать фортепиано, отец был врачом. В семье царил культ иностранных языков и музыки. И это прошло через всю его жизнь. Шляпентох знал около десяти языков. В 24 года у Шляпентоха было два высших образования — историческое и статистическое, но пресловутый «пятый пункт» не позволил ему получить работу в Киеве. Три года он преподавал

статистику в одном из техникумов Сталинградской области, потом около десяти лет в саратовском зооветеринарном и сельскохозяйственном институтах. Лишь в начале 1960-х гг. он стал преподавать статистику и историю экономических учений в Новосибирском университете. Однако, долго работая в провинциальных вузах, без аспирантуры, в 1956 г. он сначала стал кандидатом экономических наук, а через десять лет — доктором. И обе работы защищал в головных институтах: кандидатскую, о мальтузианстве, в Институте экономики АН СССР, докторскую, «Эконометрика в западной экономической науке», — в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР.

В социологию Владимир Шляпентох пришел будучи доктором наук: замечу, это не единственный, но крайне редкий случай. В начале 1960-х гг. в СССР стали проводиться социологические исследования, формировалось социологическое профессиональное сообщество, и Шляпентоха с полным правом можно отнести к узкой группе ученых, стоявших у истоков современной российской социологии. В 1962—1969 гг. он работал в Новосибирском университете, а с 1969 г. до эмиграции в 1979 г. — в Институте социологических исследований АН СССР в Москве.

В 1973 г. после разгрома института, учиненного М. Н. Руткевичем, Шляпентох оказался в секторе методики социологических исследований, которым руководил А. Г. Здравомыслов. По воспоминаниям Володи: «В то время все, кто могли: Левада, Шубкин, Грушин и другие, — находили убежище в других академических учреждениях. Я, несмотря на все мои попытки, очевидно, в силу государственной антисемитской политики и моей беспартийности, а возможно, из-за моего досье <...> согласился на работу в секторе методики. <...> Вокруг меня в институте сложилась группа молодых сотрудников и чужих аспирантов, которая помогла мне пережить неприятные времена и заниматься профессиональной социологией. Думаю, что методика была единственной сферой, в которой я мог заниматься и творчески, и честно. Другое дело, что методика была уже мне скучна».

Теперь, опираясь на наше интервью, расскажу о некоторых личностных характеристиках Шляпентоха, безусловно, важных для понимания прожитой им жизни и особенностей его творчества.

К Великой Отечественной войне Шляпентох относился так же, как и все его ровесники. Ни время, ни новые материалы, с которым он знакомился, не изменили его понимания войны как действительно народной, и каждый салют в честь освобождения города он воспринимал и как личную удачу. В комсомол он вступил в годы войны, работая на шарикоподшипниковом заводе в Куйбышеве, и очень гордился этим. Но после войны он совсем отошел от официальной общественной работы и был, что в социологическом сообществе встречалось крайне редко, беспартийным.

Уже на первых курсах университета (1947—1948 гг.) у Володи сложилось резко отрицательное отношение к системе и к Сталину, и смерть последнего он воспринял с радостью. Подобно большинству социологов первого поколения, он считал себя «шестидесятником», хотя никаких иллюзий насчет советской системы у него не осталось даже после XX съезда КПСС (1956 г.), который он встретил с восторгом. Он твердо исходил из того, что социализм, существовавший в СССР, был истинным, и другим по сути быть не мог, хотя в 1960-е гг. и надеялся на его смягчение.

Достаточно подробно обсуждалась в интервью и тема эмиграции. Уже первый мой вопрос был весьма многоплановым: «Ты уезжал из СССР, когда это еще не стало массовым явлением. Когда и в силу каких обстоятельств ты задумался об эмиграции? Что в конце концов заставило тебя принять это решение? Ты сразу ориентировался на Америку? Ведь были и другие варианты: Израиль, Германия, Канада».

Суть ответа Шляпентоха можно сформулировать следующим образом. По его мнению, во второй половине 1970-х гг. эмиграция уже была массовой, и он ощущал, что непростительно долго не решался реализовать свою мечту студенческих лет, когда оформилось его неприятие советской системы как тоталитарной и антисемитской. Четыре причины определяли его желание покинуть страну: 1) невозможность самореализации, 2) невозможность увидеть мир, 3) отсутствие перспектив для его детей и 4) вечный страх перед КГБ.

Непосредственным толчком для принятия Шляпентохом решения об отъезде был вступительный экзамен в МГУ его дочери, прекрасно окончившей одну из лучших в стране математических школ, но не принятой в университет. Однако, несмотря на свое обещание дочери эмигрировать, если это случится, он предпринял еще одну попытку понять свое положение в стране. У него состоялась беседа с М. В. Зимяниным, более десяти лет возглавлявшим газету «Правду», а в 1976 г. ставшим секретарем ЦК КПСС по идеологической работе. По воспоминаниям Шляпентоха Зимянин не отреагировал на его слова о том, что система выталкивает его из страны, и когда он заявил Зимянину, что готов к принятию серьезных решений, услышал в ответ: «Ну, что же — реализуйте их».

Возможность самовыражения, желание заниматься интеллектуальной творческой работой была для Шляпентоха одной из высших жизненных ценностей, это и определило его решение ехать не в Израиль, а в Америку, где было больше возможностей использовать свой профессиональный опыт и способности.

В небольшой статье невозможно дать полный обзор исследовательской и преподавательской деятельности Володи в Америке, напомним, что в заголовке я дважды употребляю слово «здесь», но в нем нет слова «там». Тем не менее отмечу, что за последнюю четверть прошлого столетия минимум два десятка советских социологов эмигрировали в США. Некоторые из них многие годы успешно работали в СССР, но, приехав в Америку, они отошли от социологии. Есть и такие, кто оставили Союз в начале своей научной карьеры, не успев получить на родине признание в среде специалистов, но смогли успешно вписаться в американскую науку. И, похоже, лишь Шляпентоха, если иметь в виду послевоенное время, можно действительно назвать советским и американским социологом. На мою просьбу очертить тематическое пространство своих исследований американского периода жизни, Шляпентох перечислил следующие (привожу в порядке, в котором он их назвал): идеология и общественное мнение в России; природа постсоветского общества; феодализм и современное общество (на примере США, Франции и России); порядок и роль страха в его поддержании в современном мире. Результаты его исследований опубликованы в трех десятках книг и обсуждались на представительных американских и международных форумах социологов и политологов. Завершая тему принятия решения об эмиграции, замечу, что дети Шляпентоха смогли получить прекрас-

ное образование по избранным им направлениям науки, его сын — профессор истории, а дочь — профессор математики.

Можно, пусть и условно, говорить о трех этапах участия Шляпентоха в анализе советского и постсоветского общества и развития российской социологии. Первый этап (начало 1960-х — 1979 гг.) — это годы работы в Новосибирске и Москве. Второй этап (первые годы эмиграции до начала перестройки) — исследование проблем советского общества и изучение истории советской социологии фактически вне контактов с советскими коллегами. Третий этап (вторая половина 1980-х гг. — 2015 г.) — изучение российского общества, включающее посещение России и прямые контакты с российскими социологами.

На первом этапе Шляпентох провел крупномасштабное исследование читателей центральных газет («Труд», «Известия», «ЛГ» и «Правда»), в котором впервые в СССР изучался процесс формирования общественного мнения по обоснованной территориальной выборке, репрезентирующей взрослое население страны. Кроме того, Шляпентох одним из первых в СССР стал целенаправленно анализировать проблемы надежности, достоверности результатов социологических исследований, охватывая все этапы сбора и анализа данных. В эти годы он опубликовал несколько книг, сыгравших заметную роль в познании коммуникационного поведения населения и деятельности журналистского корпуса, а также в повышении культуры проведения прикладных социологических исследований. Эмиграция Шляпентоха принципиально затруднила знакомство советских социологов с опубликованными им работами: его книги стали практически не доступны, более того, действовал запрет (иногда нарушавшийся авторами) на их цитирование. Повторюсь, благодаря изданию книги «Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал» с разработками Шляпентоха теперь могут ознакомиться новые поколения российских социологов.

Наибольшей популярностью пользовалась книга Шляпентоха «Социология для всех», увидевшая свет в 1970 г. Она познакомила советскую интеллигенцию с возможностями и методами социологии, интерес к которой, и надежды на которую в те годы были очень высоки. Через 35 лет после появления книги (в нашем интервью) Володя говорил, что он обращался в ней к двум адресатам: начальству и либеральной интеллигенции, и свою главную задачу видел не столько в популяризации своей любимой науки, сколько в ее защите — еще слабого дитя от насильников, бродивших толпами в коридорах власти и внушавших начальству, что добра от этой науки не будет. Он ставил под сомнение идеологизированное положение марксизма: теория — это все, а эмпирика — дело второстепенное. Отсюда и активная пропаганда прикладных исследований, результаты которых и делают социологию самостоятельной по отношению к истмату наукой. Но как бы ни был важен первый адрес, именно второй был главным источником Володиного вдохновения. Ему хотелось подбодрить любимую им либеральную интеллигенцию вызовом, пусть и очень скромным.

Важной составляющей успеха книги был ее вольный, не обычный для того времени стиль — он писал очень свободно. Он считал, что необходимо максимально насытить книгу позитивными оценками авторов с сомнительной в те годы репутацией, таких как Гоббс, Мальтус, Спенсер, Бергсон, Парето, Мангейм, Фрейд или

Тойнби. Даже позитивную ссылку на Библию он зачислил в свой актив. Но еще более важно для него было прославить своих коллег. В нашем интервью он отмечал: «Мое сердце было переполнено величайшей симпатией к ним, и мне хотелось, чтобы как можно больше людей узнало о пионерах моей науки. Ядов и Шубкин, Грушин и Арутюнян, Кон и Левада, Переведенцев и Заславская, а также философы, уважаемые нами тогда, — Зиновьев и Ракилов были моими главными героями. Не пожалел я красок для Алексея Матвеевича Румянцева, которому мы все были благодарны за свидетельство о рождении для социологии и институт».

Все, участвовавшие в создании книги, очень гордились тем, что она была мгновенно продана и что — великая честь! — на черном рынке продавалась чуть ли ни за 3 рубля или даже дороже при официальной цене 66 копеек. А вот какими словами завершался рассказ Шляпентоха об этой книге: «За свою долгую жизнь я издал в СССР и в США чуть ли не три десятка книг. Однако ни одна из них не принесла мне столько радости, столько откликов читателей, столько заявлений о том, что она повлияла на выбор профессии, как эта. Спасибо ей».

Прав был Володя, приведу выдержки из двух интервью с действующими социологами. Сначала фрагмент воспоминаний академика РАН Михаила Горшкова, они относятся к тому периоду, когда он работал заведующим студотделом Свердловского РК ВЛКСМ: «Чем больше я втягивался в работу с молодежью, тем все интереснее становилось познавать глубины молодежной психологии, больших социальных общностей в целом. Я стал понимать, что только через канал обычного человеческого общения до сути интересующих меня вещей дойти сложно. Начал читать научную литературу. <...>. Социальная проблематика становилась все более интересной, после того как в руки попала книга В. Шляпентоха „Социология для всех“. Появилось углубленное желание узнать, что такое прикладные социологические исследования и как они проводятся».

А теперь описание своего пути в социологию профессора Уральского университета Анны Багировой, в 1990 г. окончившей школу: «...выбор профессии во многом оказался случайным: социология тогда вдруг стала очень актуальной, модной, наукой, для поступления надо было сдавать математику (а я ее хорошо знала и любила), учиться можно было в Свердловске (а это всего час лета от Магнитогорска) и т. д. Да, еще был такой факт: знакомая родителей работала социологом на Магнитогорском металлургическом комбинате, и она дала почитать мне несколько книг. Среди них оказалась „Социология для всех“ В. Э. Шляпентоха. Пожалуй, то чтение окончательно и направило меня на специальность „Прикладная социология“ Уральского государственного университета».

А вот два комментария на сообщение о смерти Шляпентоха на моей странице в «Фейсбуке»: «Владимир Магун: „Светлая память! „Социология для всех“ — любимая книга“; Владимир Костюшев: „Только вчера вечером с Олегом Божковым вспоминали „Социологию для всех“. Для всех профессионалов“».

Нам еще предстоит тщательно проанализировать работы Шляпентоха, выполненные и опубликованные им в первые годы жизни в Америке, но очевидно, что жизнь советского общества была одним, возможно, главным, фокусом его исследований. В доказательство приведу лишь название нескольких его книг, над которыми он работал в годы, предшествовавшие перестройке, и опубликовал в первые постпере-

строечные годы: «Love, Marriage, and Friendship in the Soviet Union» (1984), «Evolution of the Soviet Sociology of Work: From Ideology to Pragmatism» (1985), «Soviet Public Opinion and Ideology» (1986), «Soviet Ideologies in the Period of Glasnost» (1988).

Но особо отмечу книгу Шляпентоха о политике советского государства по отношению к социологии, вышедшую в 1987 г. [Shlapentokh, 1987]. Это первый опыт анализа послевоенной истории советской социологии за весь период ее существования — с 1958 по 1986 г. Два обстоятельства делают эту книгу весьма значимым вкладом в историографию нашей науки. Первое, она написана историком по базовому образованию, владеющим методологией исторического анализа и навыками работы с документами. На мой взгляд, Шляпентоху удалось успешно, содержательно и обоснованно вписать развитие социологии в общий социально-политический контекст жизни советского общества. Второе, ее писал человек не со стороны, а человек, наблюдавший значительный отрезок истории нашей науки изнутри, лично знавший многих ее героев и участвовавший во многих описываемых событиях. Конечно, можно сказать, что зачастую автор субъективен, односторонне подходит к оценкам прошлого, но это не специфика собственно его исторического повествования — все исторические сочинения авторские.

Третий этап — весьма продолжительный (порядка двух десятилетий) и многоаспектный. Шляпентох читал разные курсы о России и российской социологии своим студентам, участвовал в форумах по России и Восточной Европе, пристально следил за общественным мнением в России и методологией российских опросов, неоднократно бывал в России и выступал на семинарах в академических и независимых исследовательских центрах и т. д. Важной сферой его деятельности были публикации в ведущих американских газетах. «Пик этой деятельности, — писал Шляпентох в интервью, — пришелся на вторую половину 1980-х гг. (период перестройки), когда я, публикуя статью один раз в два месяца, а то и чаще, был, вероятно, чемпионом среди всех ученых в социальных науках Америки. Некоторые известные советологи пытались выяснить, как у меня это получается: может быть, дело в моих связях в редакциях, что было слышать очень смешно».

2—4 ноября 1994 г. Шляпентох вместе со своим коллегой по Мичиганскому университету Кристофером Вандерпулом провели международную конференцию «Новая элита в посткоммунистическом мире», на которой выступили несколько российских социологов, не только из центра (Б. Грушин, О. Крыштановская, Ю. Левада, В. Шубкин), но и региональные ученые. Я входил в группу редакторов книги, вышедшей по итогам конференции [The New Elite..., 1999], и помню, как щепетильно относился Володя к отбору материалов и подготовке их к печати. Многие затруднялось тем, что в то время лишь несколько российских участников конференции пользовались электронной почтой, так что, не имея возможности связаться с ними, нам приходилось детально обсуждать, что имел в виду автор, когда утверждал то или иное. По-видимому, тогда-то между нами и возникло взаимопонимание, определившее характер нашего последующего общения.

На мой взгляд, очень важна для понимания биографии Шляпентоха и его творчества книга «Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом» (2003). О дружбе он вспоминал в интервью, обращаясь к своим детским годам: «Мое детство пришлось на самый жуткий период советской истории — 1930-е гг. и окончилось с нача-

лом войны. Несмотря на раннюю смерть моего отца, детство было счастливым. Важным его элементом был мой сплоченный класс в школе. Дружба со многими одноклассниками — мы учились вместе по седьмой класс — была важной для меня всю мою жизнь». О чувстве страха был отдельный вопрос: «Одним из лейтмотивов твоей книги „Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом“ является страх перед КГБ, в ней есть такие слова: „Страх перед КГБ висел над нами всегда и во всем...“ Этот страх — нечто индивидуальное или его испытывали многие представители твоего поколения?». Приведу его полный ответ, он короткий: «Страх был доминирующим элементом советского общества в сталинский период. Тогда вся интеллигенция и партаппарат, а также крестьяне изнывали от страха, как и, хотя в меньшей степени, все остальное население».

Ознакомление с содержанием этой книги показывает объективность возникновения личных переживаний и опасений Шляпентоха: разорение семьи во время революции и Гражданской войны, вся совокупность событий конца 1930-х, расправа с Еврейским антифашистским комитетом, борьба с «безродными космополитами», долгие годы личной неустроенности и вынужденная работа на периферии в техникуме и вузах явно не первой категории. Позже страх перед КГБ стал одной из причин его эмиграции. Книга о страхе и дружбе очень личная — это своего рода мемуары, и, одновременно, она профессиональная — в ней отчетливо видна связь личного жизненного опыта исследователя и некоторых элементов методологии его исследований. В данном случае — переживание своего опыта жизни в эпоху сталинизма и анализ сознания отдельных групп населения в сталинский период. Книга, в моем понимании, ярко иллюстрирует справедливость тезиса о биографичности социологического творчества.

Пост Шляпентоха от 25 марта 2015 г. можно рассматривать как подведение итогов своей более чем полувековой работы по главному в его жизни исследовательскому направлению — изучению советского и постсоветского общественного мнения. Насколько емкими, искренними были — теперь-то мы понимаем это — его прощальные слова: «Судьба была милостива ко мне, позволив принять участие в создании эмпирической социологии в СССР и в организации первых исследований общественного мнения, которые тогда в СССР были важнейшей частью рождавшейся социологии. <...> Мы надеялись, что результаты этих опросов заставят руководство страны, для их же пользы, согласиться с нами и что регулярное изучение общественного мнения жизненно необходимо государству для укрепления его авторитета и мощи, для решения внутренних и внешних политических проблем. <...> Энтузиазм первых исследователей общественного мнения и массы молодых людей, жаждавших участвовать в великом проекте либерализации общества с помощью социологии, был глубоко альтруистичным. <...> К нам в Академгородок Новосибирска приезжали молодые люди из разных мест, даже из Ленинграда, без всяких надежд на жилье, только для того чтобы приобщиться к нашему проекту по изучению аудитории центральных газет. <...> Их увлеченность общественным мнением, их почти религиозная преданность руководителю была безмерна и сохранилась до конца их жизни».

В этом посте читается очень многое: радость от причастности к возникновению социологии и практики изучения общественного мнения в СССР и глубокое раз-

очарование, вызванное коммерциализацией и огосударствлением исследований общественного мнения в новой России. Понимание, что ему не удалось доспорить со своими российскими коллегами по многим вопросам феноменологии общественного мнения и методологии его изучения и показать некоторые преимущества исследовательской стратегии советских аналитиков общественного мнения в сравнении с тем, что и как делал Джордж Гэллап. Не успел он, вместе со своими друзьями опровергая заявления официальных философов об отсутствии в советском обществе общественного мнения и бесполезности его изучения, показать, пусть и относительную, правоту этих «ихтиозавров» (термин Шляпентоха). Они лучше молодых знали, насколько мощно влияла партийная пропаганда на сознание людей, и потому были уверены в том, что в обществе, в котором нет альтернативной идеологии, люди могут высказывать только мнения, внушенные средствами массовой информации.

В заключение еще об одной тесной, интимной связи Шляпентоха с Россией, с российской социологией. Речь идет о его отношении к коллегам и друзьям, среди которых были социологи разных поколений, но особенно тесным всегда было его общение с социологами первого призыва. О них он писал в уже давней «Социологии для всех», в книге по истории российской социологии, много теплых слов о Грушине, Леваде, Ядове, Шубкине было сказано в нашем интервью.

Мой последний телефонный разговор со Шляпентохом состоялся в начале августа. Я знал, что он болен. Сначала я говорил с Любой, его женой, затем она сказала, что Володя хочет поговорить со мной. По-моему, он задал мне всего один вопрос: «Как Володя?». Мне было понятно, что речь о Ядове. Я сказал, что Володи уже нет... никакой реакции Шляпентоха не последовало, но его мысли мне были понятны.

Теперь не стало и Владимира Шляпентоха...

Список литературы

Кузнецов Б. Г. Встречи. М. : Наука, 1984.

Петренко Е. С. Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер... [Электронный ресурс]. URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=206&id=28 (дата обращения: 21.11.2015).

Шляпентох В. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? [Электронный ресурс]. URL: <https://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/2011/08/07/можно-ли-бестрепетно-доверять-автоби/> (дата обращения: 11.11.2015).

Шляпентох В. Русский интеллигент Феликс Раскольников [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ. 21.08.2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/08/21/raskolnikov> (дата обращения: 19.11.2015).

Шляпентох В. Социолог: здесь и там [Электронный ресурс] // Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М. : Центр социального прогнозирования,

2006. . URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=206&id=42
(дата обращения: 12.11.2015).

Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М. : Центр социального прогнозирования, 2006.

Шляпентох В. Э. Социология для всех. Некоторые проблемы, результаты, методы. М. : Сов. Россия, 1970.

Shlapentokh V. The Politics of Sociology in the Soviet Union. Boulder : Westview Press, 1987.

The New Elite In Post-Communist Eastern Europe // edited by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool and B. Doktorov. Texas A&M University Press. 1999.